

На правах рукописи

КРИХ Сергей Борисович

**ОБРАЗ ДРЕВНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
КОНСТРУИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ**

Специальность 07.00.09 – историография,
источниковедение и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Казань – 2015

Работа выполнена на кафедре всеобщей истории ФБГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Научный консультант:

Валентина Павловна Корзун, доктор исторических наук, специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, профессор (г. Омск, ФБГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»)

Официальные оппоненты:

Алексей Алексеевич Вигасин, доктор исторических наук, специальность 07.00.03 – «Всеобщая история (история древнего мира)», профессор (г. Москва, ФБГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»)

Александр Владимирович Гордон, доктор исторических наук, специальность 07.00.03 – «Всеобщая история (новая и новейшая история)», заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии отдела Азии и Африки (г. Москва, ФГБН «Институт научной информации по общественным наукам РАН»)

Галина Ивановна Зверева, доктор исторических наук, специальность 07.00.09 – «Историография, источниковедение и методы исторического исследования», профессор (г. Москва, ФБГОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»)

Ведущая организация:

ФГБН «Институт всеобщей истории РАН» (г. Москва)

Защита состоится 19 ноября 2015 г. в 10.00 на заседании совета Д.212.081.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Институте международных отношений ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420111, Казань, ул. Пушкина, д. 1/55, ауд. 502.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, читальный зал № 1). Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета <http://krfu.ru> и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации: <http://vak.ed.gov.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2015 г.
Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Д.Р. Хайрутдинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования. В настоящее время история как наука находится на периферии отечественного культурного поля, поскольку за прошедшие четверть века после окончания советского периода она утратила своё влияние в обществе. Для того, чтобы понять, каким образом это произошло, почему влияние советской исторической науки было обесценено, необходимо обратиться к изучению советской историографии как целостной системы, проследить основные тенденции и особенности её эволюции. Особый интерес такого изучения заключается в том, что интеллектуальное пространство советской историографии характеризовалось высокой степенью целостности, наличием единого языка и единой методологии, в то время как постсоветский период характеризуется, наоборот, утратой единого коммуникационного пространства, раздроблением и даже атомизацией учёного сообщества. В этих условиях историческая наука не может ни обеспечить саморазвитие, ни предложить обществу убедительные способы объяснения прошлого; в то же время попытки восстановить единство сейчас снова могут пойти по пути повторения советского опыта, как самого близкого из жизнеспособных вариантов. Показать, какие положительные и отрицательные стороны имел советский вариант единства интеллектуального поля, исследовать механизмы его формирования и причины кризиса – значит, дать современной историографии больше шансов для развития, что, бесспорно, актуальная задача.

Другой важной стороной актуальности данного исследования является тот факт, что до сих пор не были в достаточной мере изучены особенности восприятия исторических эпох в той или иной исторической традиции. Какие факторы влияют на складывание образа конкретной исторической эпохи, как он репрезентируется и корректируется в исторических сочинениях, каким образом происходит изменение и, наконец, отвержение образа – все эти вопросы до сих пор мало входили в круг внимания историографической науки, привлекая внимание историографов в основном случайно. Тем не менее, именно ответ на них внесёт важный вклад в понимание того, как мыслят историки и как

они создают свои исторические труды – вопросы, которые на теоретическом уровне волнуют исследователей уже более полувека¹.

Третьим аспектом, объясняющим актуальность диссертационного исследования, является тот факт, что до сих не существует полноценной обобщающей работы по советской историографии древности, в которой было бы рассмотрено её развитие на основе более или менее целостного подхода при условии охвата значительного массива материала. Отдельные статьи и обобщающие очерки хотя и дают некоторые базовые положения, но чаще всего недостаточно их аргументируют, многие из этих положений являются в научном сообществе конвенциональными, другие дискуссионными, но те и другие обычно не были верифицированы; тем самым, общие представления о советской историографии древности до сих пор не исследованы в полном смысле слова. Данная работа – попытка рассмотреть только один аспект общей проблемы изучения исторических эпох в советской историографии, но в тесной взаимосвязи со всеми остальными, именно поэтому так важно подвергнуть рассмотрению советский период целиком и частично обратиться к характеристике постсоветского времени.

Степень изученности проблемы. Первые работы, посвящённые советской историографии, создавала сама советская историческая наука. В области древности это проявилось первоначально в появлении обзорных статей, написанных к очередному юбилею Октябрьской революции², в которых подчёркивались достижения советской историографии и её превосходство над буржуазной. Примерно ту же роль

¹ См., например: *Анкерсмит Ф. Р.* История и тропология: взлёт и падение метафоры. М., 2003; *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001.

² См.: *Авдиев В.* Изучение истории древнего Востока за 25 лет (1917–1942) // ИЖ. 1942. № 10. С. 98–102; *Мишулин А.* Советская историография и задачи древней истории // ВДИ. 1938. № 1(2). С. 3–12; *Струве В.В.* Изучение истории древнего Востока в СССР за период 1917–1937 гг. // Там же. С. 13–22; *Мишулин А.* Изучение древней истории в СССР за 25 лет // ИЖ. 1942. № 10. С. 103–107; *Разработка древней истории в советской науке (1917–1947)* // ВДИ. 1947. № 3. С. 3–16; *Струве В.В.* Проблемы истории древнего Востока в советской историографии // Там же. С. 17–41; *Дьяконов И.* Изучение клинописи в СССР за 30 лет // Там же. С. 42–50; *Штаерман Е.М.* Английская эпиграфика в СССР // Там же. С. 51–67; *Бернштам А.М.* Среднеазиатская древность и её изучение за 30 лет // Там же. С. 83–94; *Ковалёв С.И.* Сорок лет советской историографии по Древнему Риму // ВДИ. 1957. № 3. С. 43–54.

играли историографические обзоры в специальных монографиях, учебниках, а также статьи, появившиеся в годы больших идеологических кампаний. На раннем этапе (30–40-е гг.) эти работы могли носить обличающий характер, содержать жёсткую критику тех историков, которые недостаточно придерживались той линии, которая считалась генеральной, позднее они носили роль формальных обзоров, в которых самое главное могло говориться между строк. В общем и целом эти обзоры являют тот начальный этап развития историографии вопроса, когда историографический труд сам представляет собой в первую очередь источник, в котором необъективное изложение фактов и тенденциозность оценок заслуживают не столько критики, сколько анализа со стороны современного исследователя.

Специальные исторические труды появляются позже, уже в постсталинский период – прежде всего, «Очерки истории исторической науки в СССР»³, при этом историографии древности было уделено сравнительно мало внимания – по сути, был освещён лишь её ранний этап. Изменение оценок, которое началось в 60-е гг., спровоцировало появление нескольких работ, которые ставили целью описать советскую историографию как объективно развивающуюся науку, которая с каждым этапом всё лучше усваивает идеи марксизма-ленинизма⁴.

Иную точку зрения представляли работы, которые выходили за рубежом – на русском или других языках. Первой попыткой системного рассмотрения советской историографии были книги М.Ф. Раскольниковой⁵, на примере «революции рабов» схожие идеи проводили В.З. Рубинзон⁶, А.С. Коцевалов⁷. Их основной тезис сводился к при-

³ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966; Т. V. М., 1985.

⁴ *Слонимский М.М.* Периодизация древней истории в советской историографии. Воронеж, 1970; *Неронова В.Д.* Введение в историю древнего мира. Пермь, 1973; *Никифоров В.Н.* Восток и всемирная история. М., 1975.

⁵ *Raskolnikoff M.* La Recherche en Union Soviétique et l'Histoire Économique et Sociale du Monde Hellénistique et Romain. Strasbourg, 1975; Idem. Des Anciens et des Modernes. P., 1990.

⁶ *Rubinson W.Z.* Spartacus' Uprising and Soviet Historical Writing. Oxford, 1987 (немецкое издание – 1983 г.); *Он же.* Муза Клио на службе КПСС // Время и мы. Нью-Йорк, 1990. Вып. 109. С. 161–175.

знанию ведущей роли политического фактора в изучении перемен в историографии древности, фиксацией прямой зависимости советских историков от решений вышестоящего начальства, иногда с более или менее последовательным отрицанием научной ценности большей части советских исторических исследований. Из отдельных проблем, которые интересовали зарубежных исследователей, следует отметить изучение дискуссий об азиатском способе производства⁸. Также за рубежом публикуется первая работа мемуарного плана⁹.

В постсоветский период фактически появилась только одна обобщающая работа по проблеме изучения эксплуатации в советской историографии древности¹⁰, вскоре интерес к проблеме значительно снизился, и основным типом работ вновь стали обобщающие очерки¹¹ или исследования по отдельным темам. В этих работах обычно признавалось отрицательное влияние внешнего (властного) давления на науку, но констатировалась и известная самостоятельность научных исследований, которая позволила советской науке достичь определённых результатов. Часто при обращении к биографиям отдельных историков древности авторы исследований занимали апологетическую позицию, подчёркивая, что данный историк не во всём следовал общим тенденциям, стараясь хотя бы частично реализовать свободу научного творчества, например, если не в опубликованных трудах, то в беседах со студентами¹².

⁷ Коцевалов А. Античное рабство и революция рабов в советской исторической литературе. Мюнхен, 1956.

⁸ Dunn S.P. The Fall and Rise of the Asiatic Mode of Production. London, 2011; Sofri G. Il Modo di Produzione Asiatico. Storia di una controversia marxista. Torino, 1969.

⁹ Копржива-Лурье Б.Я. История одной жизни. Париж, 1987; 2-е издание (с именем настоящего автора): Лурье Я.С. История одной жизни. СПб., 2004.

¹⁰ Неронова В.Д. Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии. Пермь, 1993.

¹¹ Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 1999.

¹² См. биографии В.В. Струве, А.Н. Машкина, К.К. Зельина и др.: Портреты историков : Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история / отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М.; Иерусалим, 2000; Портреты историков: Время и судьбы. Т. 3: Древний мир и Средние века / отв. ред. Г.Н. Севостьянов, Л.П. Маринович, Л.Т. Мильская. М., 2004.

В 2000-х гг. появляются работы, где делаются попытки рассмотреть процесс развития историографии в иных ракурсах и на более разнообразном материале. При этом они почти не касаются собственно историографии древности, но трактуют феномен советской историографии, часто на примерах исследования других эпох. Отчасти историографии древности касался А.А. Формозов, исследуя становление схемы пяти формаций в 30-е гг.¹, он первый предложил объяснение того, почему новые советские концепции создавали преимущественно историки «старой школы», какую роль в этом процессе играли партийные деятели, непосредственно курирующие науку.

Другие исследования феномена советской историографии также посвящены преимущественно сталинскому периоду, как наиболее значимому с точки зрения становления советской исторической науки и наиболее драматическому. Здесь был предложен целый ряд исследовательских идей: анализ дискурса советской историографии², генерационный подход (исследование трёх поколений советских историков, их взаимосвязей и взаимовлияния)³, исследование сосуществования революционной и национальной парадигм в ранней советской историографии⁴, роль партийной верхушки в формировании концепции русского национального государства⁵, анализ советской историографии через призму «культуры партийности»⁶. Авторы широко привлекали источники личного происхождения, архивные материалы, более тщательно соотносили изменения во внутренней и внешней политике с изменением ситуации вокруг исторического описания. Благодаря этим рабо-

¹ *Формозов А.А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2004.

² *Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е – начало 50-х годов XX века. Тюмень, 2003.

³ *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: Синтез трёх поколений историков. М., 2008.

⁴ *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005.

⁵ *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

⁶ *Гордон А.В.* Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009.

там удалось обратить внимание на проблему психологии советских историков (состояние страха как постоянный фактор при создании и переделке концепций), на способы и формы властного воздействия на историческое сообщество, на типажи советских историков¹ и на стиль их письма – способы обращения с цитатами «классиков марксизма-ленинизма», формы и методы аргументации и т. п. Эти работы сформировали современный контекст изучения советской историографии, в котором было повышено внимание к работе с первоисточниками, что в итоге повысило корректность итоговых обобщений.

К этим важнейшим работам можно также добавить ряд статей, которые, выделяя отдельные аспекты в теме советской историографии (опять же, в основном сталинского периода), иногда, в основном в целях иллюстрации базовых положений, обращаются и к исследованию древности. Таковы работы А.Н. Дмитриева об «академическом марксизме» 20-х гг.², статья К.А. Богданова о формировании эпического восприятия реальности в сталинской культуре³; важные замечания по эволюции советской историографии в целом можно встретить также в теоретической книге Н.Е. Копосова: например, о переносе в послесталинское время акцента с исследования классовой борьбы на изучение эволюции социальных институтов⁴. Ряд положений авторов могут быть признаны дискуссионными, но они при этом поднимают те проблемы, которые инициируют более тщательную работу с материалом.

Таким образом, общая тенденция развития исследования советской историографии уже подошла к возможности решения более сложных задач, которые должны учитывать одновременно достижения в разработке отдельных аспектов и необходимость их комплексного рассмотрения.

¹ Трансформация образа советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие: вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг. / под ред. В.П. Корзун. М., 2011.

² *Дмитриев А.* «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // НЛО. № 88 (2007). С. 10–38.

³ *Богданов К.А.* Наука в эпическую эпоху: классика фольклора, классическая филология и классовая солидарность // НЛО. № 78 (2006). С. 86–124.

⁴ *Копосов Н.Е.* Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 168–170.

Объект исследования – советская историография древнего мира. Основой для исследования является анализ научных текстов по истории древнего мира, опубликованных в советский период.

Предмет исследования – образ древности в советской историографии, в основных стадиях его развития, выраженных в процессах моделирования (складывания основных элементов образа в относительно непротиворечивую целостность) и трансформации (изменения сложившейся системы элементов под воздействием как вненаучных, так и теоретических или фактологических обстоятельств).

Цель исследования – комплексный анализ процессов конструирования и трансформации образа древности в советской историографии в контексте теоретических и политических условий советской действительности с учётом фактора личностного выбора историков.

Сформулированная цель реализуется в решении ряда исследовательских задач:

1. Показать стилистические и теоретические истоки образа древности, сформулированные в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, прежде всего в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

2. Рассмотреть процесс и определить основные факторы конструирования образа древности в советской исторической науке 20–30-х гг. XX в.

3. Показать, каким образом советские историки (А.Б. Ранович, Н.А. Машкин) пытались сконструировать классическую историческую работу, несущую канонический вариант советского образа древности.

4. Определить (на примере творчества Е.М. Штаерман и И.М. Дьяконова) причины и параметры трансформации образа древности в послесталинский период.

5. Раскрыть базовые направления переработки образа древности в постсоветский период и выяснить причины его полного разрушения в результате этой переработки.

Хронологические рамки работы – советский и постсоветский периоды отечественной истории, от 1920-х гг. до современности.

Теоретико-методологическая база исследования. Соглашаясь с точкой зрения Н.Е. Копосова, который предостерегает от сведения

мышления к языку, а языка – к системе символов¹, мы тем не менее сомневаемся в принципиальной возможности находить внеязыковые элементы при анализе исторической концепции. Любой опыт вне языка, отражаясь в языке, становится уже им присвоенным, и в этом смысле – языковым. Тем самым, в настоящее время, пока не выработаны методики обнаружения внеязыкового опыта, именно анализ языка является лучшим вариантом исследования исторического мышления, а историческое мышление лучше всего выражается через исторические тексты.

Наше исследование имеет дело в основном с состоявшимися текстами, поскольку они были доступны читающей публике и тем самым оказывали преимущественное влияние на складывание образа древности как категории, относящейся к характеристике взглядов, разделяемых большей частью социума. Именно поэтому в основу исследовательской работы положен принцип дополнительности Н. Бора, применённый к гуманитарным наукам, в частности, к проблеме понимания и толкования текстов.

Восприятие исторического прошлого человеком происходит под воздействием уже его сознания, его мыслительных установок (личностных, групповых, общекультурных); так воспроизводятся, создаются и корректируются образы, которые аккумулируют опыт познания окружающего мира в пространстве и времени. Точно так же исследователь не может изучать прошлое «напрямую», и нет таких исторических фактов, которые сначала не прошли бы через его образную систему.

Прошлое неизбежно воспринимается через образы, но у этого типа восприятия есть своя система и внутренняя логика. Образы прошлого меняются и сменяют друг друга в зависимости от того, как меняются знание и мировосприятие людей (исследователей), причём мировосприятие играет в этом определяющую роль. Изменение мировосприятия зависит прежде всего от внешних обстоятельств и от теоретических установок, причём теория оказывает большее и более прямое влияние, а внешние обстоятельства – опосредованное, зато более комплексное и зачастую менее осознаваемое нами самими. Но ни теория, ни внешнее влияние не могут преобразовать (дать трактовку, проком-

¹ *Копосов Н.Е.* Как думают историки. М., 2001. С. 35.

ментировать) исторические факты без оглядки на них самих, а потому образ прошлого, который получается в исторических трудах, весьма далёк от своего раннего варианта в трудах теоретиков.

Таким образом складывается текст: из изменённой общей теории, отобранных и получивших особое освещение исторических фактов, замаскированных приводящих обстоятельств (следов политического, экономического и другого влияния современности). Текст, тем самым, всегда отличается и от того, что хотел сказать автор, поскольку логика создания текста корректирует логику вообще. Текст и есть ключ к образу прошлого в сознании текущего настоящего. Только его анализ может помочь нам в определении путей складывания этого образа и логики его функционирования.

Следует, однако, учитывать, что анализ текста невозможен по чисто формальным признакам, без его понимания, ведь даже если мы ставим целью просчитать в тексте какие-то составные части, частоту употребления определённых терминов, то должны вначале выделить эти показательные для нас термины; без понимания невозможна интерпретация полученных результатов, понимание же предполагает видение конкретного текста в более широком контексте индивидуального или коллективного творчества: «нельзя понять текст, не включая его в систему своих представлений, своего опыта. Строго говоря, не существует никакого раз и навсегда данного содержания текста, оно каждый раз заново создаётся говорящим и понимающим»². Наше исследование должно, тем самым, восприниматься именно в рамках вышеупомянутого принципа дополнительности: как «практическая работа в области той или иной науки находится в дополнительном отношении к попыткам строгого определения предмета этой науки»³, так и написание истории науки находится в дополнительном отношении к функционированию этой науки; наконец, исследование образа эпохи в рамках советской историографии находится в дополнительном отношении к изучению «позитивного научного знания», полученному советской историографией по том или иному историческому периоду или к зна-

² Теория познания. Т. 4. Познание социальной реальности / под ред. В.А. Леткорского, Т.И. Ойзермана. М., 1995. С. 212–213.

³ Там же. С. 220.

нию истории исторического сообщества в контексте развития страны в определённый период (выраженному в виде совокупности биографий историков или анализа изменений в структуре коммуникаций между ними). Рефлексирующие системы неизбежно меняют себя в процессе рефлексии, поэтому принцип невмешательства исследователя в изучаемый текст практически нереализуем: важно дать текстам, трактовку, задать им вопросы и сопоставить их друг с другом, но это следует сделать на основе прозрачной методики. Принципы работы с текстами базируются на том, что должен учитываться исторический контекст их формирования и общее состояние знаний в момент их появления, роль текстов в научном творчестве их создателя и последствия их появления для учёного сообщества.

Анализ текстов позволит выйти на эволюцию образа. Внутренняя логика повествования (именно то, как строится повествование), особенности стиля и воспроизведения образного ряда в сочетании с развитием и осмыслением основных идей – вот те аспекты, выявление которых является главной задачей в использовании заявленной методологии. В используемых в данном исследовании приёмах анализа есть элементы постмодернистской деконструкции, когда текст препарировается до отдельных разрозненных элементов (например, метафор), но большее значение играют сравнительно традиционные методы исследования.

В общем текстовом анализе используются отдельные элементы статистического анализа: соотношение между объёмом текста и его структурой, частота употребления тех или иных слов или образов (контент-анализ). Всё это помогает увидеть приёмы аргументации, сознательную или неосознаваемую приверженность к употреблению определённых понятий и образов. Вместо ненадёжного подсчёта количества страниц в тексте чаще используется более точный подсчёт количества печатных знаков (в случае с большими текстами – округлённый) или печатных листов (издательский термин); что касается частоты употребления тех или иных слов с особым, символическим значением, то обычно анализировалось то, как часто они появляются в принципиально важных местах текста – что требовало уже анализа текстовой структуры и общей концепции автора. Следовательно, под-

счёты не являются для исследования самоцелью, они помогают дополнить результаты общего анализа аргументации и выстраивания авторской концепции. Наиболее важные результаты сведены в таблицы, другие приведены лишь в той мере, в какой они могли способствовать лучшему пониманию структуры текста.

Анализ концепций и отдельных идей, высказываемых историками, остаётся при этом одной из центральных тем исследования и обретает тем большее значение, что посредством текстового анализа мы намереемся связать исторические концепции с образом изучаемой эпохи. Их взаимодействие редко идёт по линии прямого влияния: изменение концепций лишь частично затрагивает образ, а образ нередко влияет на складывание концепций больше, чем они в итоге могут повлиять на трансформацию образа. Во всех этих случаях наибольшую роль играет метод сравнительного анализа. Он полезен как при анализе фундаментальных трудов, когда позволяет обратиться к другим, сопоставимым работам, в том числе тем, на которые реагировали эти труды, так и при разборе серий статей, выливающих в дискуссии. Сравнительный анализ позволяет выстроить общую картину, увидеть, как из противопоставления разных подходов к трактовке исторического материала и разных способов аргументации рождались новые элементы образа древности.

Под образом эпохи в данной работе предлагается понимать структурированное представление об исторической эпохе, соотнесённое с индивидуальным и общественным мировоззрением. Можно сказать иначе: образ – то, как человек видит в настоящий момент ему невидимое⁴; при этом он выделяет в нём те черты, которые помогают ему определённым образом к этому невидимому относиться – связывать себя с ним, противопоставлять, игнорировать. В образе существуют конструирующие и подчинённые части, при этом связь между ними не всегда логическая, но чаще всего символическая – как самая надёжная и долгоживущая. Очевидно, что такое структурирование не может су-

⁴ В психологии примерно в том же ключе говорится о представлении («психический процесс отражения предметов или явлений, которые в данный момент не воспринимаются, но воссоздаются на основе нашего предыдущего опыта»). Мы можем говорить об образе как о системе представлений. См.: *Маклаков А.Г.* Общая психология. СПб., 2001. С. 234.

существовать вне языка как образной системы (вернее, системы тропов). Идёт ли структурирование от самой реальности или от языка, которым мы форматируем эту реальность, – вопрос, решаемый в зависимости от избранного метода для исследования, и в любом случае требующий проведения самого исследования. Так или иначе, если мы скажем, что процесс формирования образа эпохи тесно связан как со знанием об исторической эпохе, так и с мировоззрением индивида и группы, что связь эта не однонаправленная и все три аспекта находятся в отношениях взаимозависимости и взаимовлияния между собой (хотя и выраженных с разной интенсивностью), это и будет тот условный компромисс, который в настоящее время позволит двигаться далее. Поскольку проблема того, как индивидуальные достижения в науке трансформируются в общественно принятые образы, практически не поднималась (а это потребует в том числе привлечения методов анализа психологической и социологической наук), поэтому в данном случае обработка конкретного материала откроет больше исследовательских перспектив, чем стремление дать финальные теоретические формулировки⁵.

Источниковая база. В виду направленности исследования на современную историографию, труды древних авторов использовались лишь в редких случаях, поскольку критика работ советских историков с точки зрения источников не входит в цели исследования. Акцент в историографическом анализе сделан на опубликованные работы, так как именно публикация делает возможной существование относительно длительной и надёжной традиции; вопросы генетики текстов решались работой с самими текстами – черновики и наброски работ в ряде случаев отсутствуют, в других – остались нам недоступными.

Основным источником, таким образом, являются труды советских авторов и ряда авторов зарубежных, оказавших наибольшее влияние на становление советского образа древности: не всегда это влияние следует понимать в смысле прямого воздействия, поскольку чаще всего уточнение образа древности в советской историографии происходи-

⁵ В этом контексте важно также учитывать замену в исторической науке последних десятилетий каузальных объяснений на контекстуальные. См.: *Пенина Л.П.* Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. Вып. 25/1. М., 2008. С. 6.

ло по линии противопоставления идеям западной («буржуазной») историографии.

В конкретном воплощении речь должна идти об авторских монографиях, статьях (нередко серия статей одного автора или статьи, связанные обсуждением одной темы), коллективных трудах. Среди этого массива особенно выделяются работы, которые сыграли поворотную роль в развитии советской историографии (и соответственно, сыграли особую роль в конструировании либо трансформации образа древности): это фундаментальные монографии или статьи, вызвавшие оживлённую дискуссию; такие работы подвергались наиболее тщательному анализу. При анализе дискуссий ставилась цель показать их общий ход в том случае, где его можно было выявить при о более или менее организованных выступлениях на базе одного журнала; в том случае, если анализ сталкивается с «большими дискуссиями», которые шли в нескольких печатных изданиях, дробились на несколько «подтем» и не характеризовались стабильным кругом участников, прослеживались лишь общие тенденции. Коллективные труды, работа над которыми часто подводила итог определённому пройденному этапу, трактуются также как дополнительный подвид источников: мы исходим из того, что образ древности складывался первоначально в отдельных работах, и уже после этого воплощался в работах коллективных – хотя не всегда это происходило без возражений и итоговой корректировки. И в этом плане исследование процесса подготовки коллективных трудов обычно бывает более интересно, чем анализ самих результатов.

Хотя советская историография древности и является сравнительно узкой темой, тем не менее, количество работ, созданных по древней истории за советский период, было огромным и, пожалуй, в несколько раз превышает всё, написанное по истории древности в дореволюционной историографии. Но поскольку мы сосредоточились лишь на нескольких, пусть и очень важных сюжетах развития советской исторической науки, то и источники использовались в соответствующем направлении. Основой исследования были именно опубликованные работы, мы практически не обращались к архивным данным в широком смысле (письмам, черновикам, конспектам лекций и т.п.). Важнейшим моментом при акценте на анализ опубликованных работ было

то соображение, что именно опубликованные работы (в том числе в силу чисто технических обстоятельств) имеют наибольшее воздействие на читателя, и в том числе на тех, кто сам был или стал позднее участником историографического процесса. Правда, следует признать, что грань между опубликованным и неопубликованным в таком смысле очень неоднозначна для 20-30-х гг., когда сборники были малотиражными и не имели хождения за пределами узкого круга лиц, либо когда уже изданные сборники и журналы изымались, или из них вырезались предисловия, написанные попавшими в опалу авторами.

В любом случае, для других периодов советской истории речь уже может идти об опубликованном материале как о наиболее обдуманной точке репрезентации своих взглядов. Однако здесь может быть уместен другой вопрос: насколько корректен анализ текстов, созданных в советскую эпоху, с точки зрения постижения идей и мыслей их авторов? Ведь именно в это время тексты могут считаться наименее принадлежащими их авторам, поскольку в них обязательно присутствует много общеобязательных (на то время) моментов и тем самым достигается лишь внешнее единство, которого не было за пределами текста.

Этот аргумент имеет право на существование, но в действительности он зиждется на недоказанном положении. Сознание любого человека, выступающего в том числе в качестве автора научной работы – сложное и многоплановое явление, и в нём всегда и в любые эпохи перемешано свободное и обязательное при передаче мысли вовне, иными словами, при публикации. Утверждать, что именно в советскую эпоху соотношение этого условно «свободного» к условно «обязательному» уменьшилось, что принципиально выросло давление на автора, можно только в том случае, если сначала будут осуществлены исследование и анализ текста.

Отдельно следует сказать о таком виде источников, как работы, внешние по отношению к науке, но игравшие роль непосредственного раздражителя. Речь идёт прежде всего о работах «классиков» марксизма (К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина) и отчасти о трудах авторов, претендовавших на эту роль (как Н.И. Бухарин) или вплотную приблизившихся к ней (как Г.В. Плеханов). Все эти труды составляли кладёзь цитат, своеобразную шахту, из которой, сообразно

требованиям сюжета и времени, следовало извлекать необходимый для подтверждения собственных мыслей материал. Мы не даём этим источникам отдельной характеристики – не потому, что, как часто считается, советские учёные всегда относились к трудам «классиков» довольно цинично и не искали у них ничего иного, кроме как материала для ссылки. Напротив, многие учёные из разных поколений советского общества стремились к постижению сущности марксизма и внимательному прочтению трудов, которые считались выше самих источников. Другое дело, что отдельный анализ воззрений Маркса или Ленина на древнее общество не относится прямо к целям нашей работы: воззрения эти очень сильно зависели от современного авторам состояния науки и от их общеисторических построений, но в советское время им придавался ореол над-исторической истины; поэтому хотя советские авторы и ставили вопрос о реальных источниках воззрений «классиков» на древность, существенного влияния на их собственные взгляды это не оказало. Фактически, в зависимости от этапа развития советской историографии, авторы могли придавать мыслям «классиков» подобающую окраску, и эта манипуляция могла быть как сознательной, так и несознательной.

Литература о советской историографии, как и воспоминания, служили как для того, чтобы построить общий контекст рождения отдельных трудов и складывания образа в целом, но иногда и как источник по самой советской историографии: ибо послевоенные советские историографические труды уже рисуют определённый, очищенный образ историографии предыдущего периода.

Положения, выносимые на защиту:

1. Советская историография является марксистской не только с теоретико-методологической точки зрения, она также взяла для себя в качестве образцов марксистский тип построения нарратива, образный ряд, способы аргументации. Для советской историографии древности особую роль при этом сыграла работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

2. Развитие советской науки изначально было тесно связано с политическими интересами советского государства, но при этом наука имела и свойства автономной системы – не столько в смысле незави-

симости от властей, сколько в смысле наличия внутренней логики развития. Эта логика шла вслед за общей эволюцией партии и общества: от разнообразия 20-х гг. к поискам единогласия в 30-е гг. Это подготовило научное сообщество к принятию единообразной схемы мировой истории («пятичленки»), которое означало представление о древнем мире как о единой рабовладельческой формации, достигшей вершины расцвета благодаря эксплуатации рабов и павшей тогда, когда рабовладение стало экономически неэффективным.

3. Советские историки создавали свои произведения в сложном конфликте между искренностью и долгом. Внешнее давление не является единственным фактором, который определял творчество историка, важным элементом было также общее состояние культуры. При этом советская научная ситуация обычно не была гармоничной, между общими культурными установками, требованиями научной истины и партийным заказом существовали определённые противоречия, иногда обострявшиеся до уровня трагедии. Частичным выходом из ситуации стало складывание негласной конвенции внутри сообщества и отчасти в его взаимоотношениях с властью: наличие обязательных теоретических формулировок и ссылок сочеталось с уходом в конкретные области исследования. Достижение этой конвенции частично снизило конфликтность в научной среде, но одновременно подготовило почву для утраты теоретического единства.

4. Создание классических исторических произведений, которые должны были представить достигнутое советскими историками понимание древности, подготовило и ускорило начало процесса трансформации этого образа. Трансформация стала неизбежной вследствие необходимости уточнять или частично отвергать те общие положения, которые составляли предмет научной конвенции, поскольку постсталинское поколение историков обладало иным пониманием теории и имело дело с более широким кругом источников, чем их предшественники. При этом конвенциональность науки привела к тому, что новые исследования продолжали апеллировать к уже признанной теоретической базе и не смогли подготовить запрос на радикальный пересмотр сложившихся представлений.

5. Трансформация образа древности, начавшаяся в советский период, по разным причинам (внешнего и внутреннего характера) была замедлена, и это способствовало теоретическому и тематическому оскудению советской историографии древности как раз ко времени кризиса политических структур советского государства. Именно поэтому в постсоветский период не произошло ни окончательной трансформации советского образа древности в какой-либо приемлемый для современности вариант, ни полноценной его замены на новый образ эпохи, который бы соответствовал тому же принципу соответствия современности. В этом смысле слова постсоветский период российской историографии древности прошёл под знаком разложения прежнего образа эпохи.

Научная новизна исследования выражается в том, что впервые была поставлена проблема понимания советской историографии древности через изучение того образа эпохи, который она создала, и конкретизируется следующим образом:

1. Сформулированы основные особенности марксистского исторического описания с точки зрения символической системы и системы аргументации, показана их связь с конкретными историческими исследованиями в сфере древней истории, проводимыми советскими учёными, на уровне построения текста и его образной системы.

2. Выявлены основные элементы и тип их сочетания (система) в советском образе древности: показаны логические и символические элементы представления об эпохе древней истории, как они были сформулированы в советский период (классическая стадия – конец 30-х – начало 50-х гг.

3. Дан анализ ряда важнейших исторических трудов советских авторов по отдельным вопросам и проблемам древней истории, впервые проведён анализ их образной системы, структуры работ, применены элементы контент-анализа, что позволило выявить внутренние теоретические ориентиры авторов и показать их вклад в конструирование советского образа древности.

4. Показана трансформация образа древности в послесталинский период советской науки, впервые дана попытка объяснения причин кризиса советского образа древней истории исходя из внутренних

предпосылок, заложенных в строении самого образа и в эволюции научных идей.

5. Поставлена проблема постсоветской стадии существования образа древности, тесно перекликающаяся с проблемой перспектив современного отечественного антиковедения в свете его советского наследия.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Работа имеет теоретическую значимость для специалистов по истории исторической мысли, а также для историков древности. Полученные результаты существенны для дальнейших исследований в этих областях, могут быть использованы как в работах, посвящённых изучению советской историографии (анализ дискуссий, специфика написания научных трудов, проблема влияния власти на науку), так и в историографических обзорах работ по древней истории. Кроме того, материалы диссертации могут оказаться полезны при создании обобщающих трудов, монографий, лекционных курсов, учебных пособий по истории исторической мысли, по историографии древности (проблемам зарождения государства, социального строя стран древнего Ближнего Востока, классовой борьбы в античности и падения Западной Римской империи) и по методологии исторической науки.

Проблематика и выводы диссертации соответствуют паспорту специальности 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Апробация. Все основные положения диссертации опубликованы в трёх монографиях, учебном пособии и методических пособиях, учебных пособиях и 15 публикациях в реферируемых журналах, включённых в список ВАК Российской Федерации («Диалог со временем», «Родина», «Вопросы истории», «Учёные записки Казанского университета» и др.).

Основные положения работы были представлены также на всероссийских и международных конференциях: «Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность» (Омск, 2002, 2005, 2009, 2011, 2013), «Университеты России и их вклад в образовательное и научное развитие регионов страны» (Омск, 2010), «Институт Истории Украины на изломе эпох» (Киев, 2011), «Историк в историческом и историогра-

фическом времени» (Казань, 2013), на научном семинаре «Миусские античные посиделки – VII (Москва, 2015). Материалы диссертации используются при чтении базовых и специальных курсов на историческом факультете Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Структура работы определяется общей логикой изложения, теоретико-методологическими установками и поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, четырёх глав, заключения, списка сокращений, списка источников и использованной литературы, а также четырёх приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** даётся обоснование актуальности темы исследования, дано определение его объекта и предмета, пояснены основные термины, сформулированы цель и задачи исследования, обозначены его методы и методология, хронологические рамки, дана характеристика источниковой базы исследования, его новизны и практической значимости.

Первая глава «ПРИНЦИПЫ МАРКСИСТСКОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ» посвящена складыванию прототипического образца советского исторического сочинения, которым стало написанное Ф. Энгельсом «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В **первом параграфе «Трансформация идей Л.Г. Моргана К. Марксом и Ф. Энгельсом»** показано, каким образом был обработан родоначальниками марксизма фактический и идейный багаж «Древнего общества» Л.Г. Моргана, как на его основе было смоделирована иллюстрация идей диалектического материализма. **Второй параграф «История семьи в изложении Ф. Энгельса»** предлагает последовательный разбор того, какие приёмы использует Ф. Энгельс для того, чтобы представить свою версию эволюции семьи как абсолютно логичную и доказуемую, последовательно вытекающую из фактов, каким образом затушёваны слабые места этой концепции. Изложение продолжено в **третьем параграфе «История ранних народов и возникновение государства в изложении Ф. Энгельса»**, где показано, как с помощью тех же самых приёмов, дополненных искусным отбором

примеров для иллюстрации, сложный вопрос о возникновении государства сведён к ряду простых положений. Фактически Энгельс ушёл от ответа на центральный вопрос своей эволюционной схемы о проблеме происхождения частной собственности, оставив на эту тему несколько туманных высказываний, зато из предпосылки возникновения частной собственности в результате роста богатств (возникновения скотоводства и земледелия) были выведены все последующие общественные разделения труда и разделение общества на классы эксплуататоров и эксплуатируемых. Кроме того, использован приём ключевого примера (ирокезский род), который иллюстрируется рядом дополнительных, между ними постулируется совпадение, которое позволяет заявить о едином процессе эволюции общественных отношений. В **четвёртом параграфе «Роль дополнений и изменений в “Происхождении семьи, частной собственности и государства”»** изучаются способы полемики и долговременной защиты предложенной теории, которые применил Ф. Энгельс во втором дополненном издании, представлено, как формировалось особое отношение марксизма к «буржуазной» науке, способы критики и заимствования достижений, которые должны были не ослаблять, а усиливать марксистские тезисы. Фактически, Энгельс выбрал для полемики только ряд авторов, на работах которых он мог показать принципы борьбы с другими точками зрения. При этом он не стал отказываться даже от тех положений, которые устарели в его собственных глазах, лишь слегка их поправив и дополнив. В **пятом параграфе «Воздействие Ф. Энгельса на становление марксистского историописания»** выделены основные элементы теоретического и стилистического моделирования образа описываемого предмета в марксистских исторических сочинениях, указаны те базовые способы подачи исторического материала, которые позже стали неотъемлемой частью любого удачного марксистского исторического исследования. Это: специфическое восприятие прогресса, который не столько доказывается в результате выделения последовательных фаз исторического развития, сколько сам служит доказательством наличия этих фаз. В этой идее уже заложена возможность для будущего рождения в СССР схемы пяти общественно-экономических формаций, хотя изначально в марксизме не было чётко выделенных последовательных

фаз общественной эволюции. Другая особенность: превалирование логического рассмотрения над фактическим, что предполагает отношение к историческим фактам как к составным частям логических формул; необходимо определить ключевые факты и выяснить степень подчинённости по отношению к ним всех последующих (причём, все остальные факты по отношению к ключевым являются именно последующими, неважно, когда бы они произошли на самом деле). В этом смысле слова перед нами не столько исторический, сколько логический материализм. Отсюда выросла необходимость постоянной апелляции к теоретической основе, которую и составили труды основателей теории. Кроме того, важно обратить внимание на особое отношение марксизма к проблеме собственной догматизации: она одновременно поощряется и критикуется, в этом смысле слова перед нами диалектический догматизм; и не менее важен приём «эксплуатации буржуа»: буржуазная наука критикуется в целом, но в конкретных своих достижениях служит источником фактов и даже целых концептуальных положений, встраиваемых в рамки марксистской парадигмы.

Вторая глава «ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ДРЕВНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 20-30-х гг. XX в.» реконструирует процесс создания нового образа древности параллельно процессу формирования новых условий для существования исторической науки в советском государстве; дано обоснование корректности рассмотрения 20-х и 30-х гг. как единого периода. В **первом параграфе «Складывание элементов образа древности в советской исторической науке 20-х гг. XX в.»** рассматривается начальный этап перехода советской науки о древности к стабильному использованию марксистской теории, подробно рассматриваются работы А.И. Тюменева, В.С. Сергеева, С.И. Ковалёва, прежде всего их учебные курсы, показано сходство и отличие их подходов от «модернизаторских» теорий, популярных в зарубежной и дореволюционной российской науке (чему посвящён **первый подраздел первого параграфа**); показано, почему ранние работы, даже имея ряд элементов советского образа древности, ещё не оперировали каким-то целостным образом в принципе – не последнюю роль в этом играло отсутствие на тот момент единой теории, которая провоцировала бы авторов на однозначные суждения. Кроме

того, во **втором подразделе первого параграфа** рассмотрены дискуссии об азиатском способе производства конца 20-х – начала 30-х гг., показано то, каким образом участниками дискуссии выстраивалось сложное соотношение между партийной политикой (внешней и внутренней), цитатами из трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, и в основном поверхностным знакомством с историческими фактами. Результат этих споров был не только в том, что в начале 30-х гг. азиатские общества рассматривались преимущественно как феодальные, но и в том, что в советской науке усилился запрос на единственную общепринятую трактовку, вскоре поддержанный окончанием внутривнутрипартийной борьбы в ВКП (б).

Второй параграф «Роль В.В. Струве в создании образа древности в советской историографии» подробно показывает, как формировалась и получила своё первое расширенное обоснование концепция рабовладельческого строя в странах Востока. Центральное место в параграфе занимает подробный анализ сделанного В.В. Струве в 1933 г. доклада «Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока»⁶, дополненный анализом основных сопутствующих работ историка в период 30-х гг., составивших основу его дальнейших обобщающих выводов. Параграф имеет **три подраздела**: «Объём и структура доклада В.В. Струве о древневосточных обществах», «Основные идеи доклада: их обоснование и способы подачи материала», «Вклад В.В. Струве в марксистский образ древности». В результате было обосновано, что В.В. Струве строил свою теорию в известном смысле на свой страх и риск, его позиция отличалась от позиции курировавшего тогда вопрос от партии А.Г. Пригожина. Струве мог ориентироваться на некоторые высказывания Сталина и работу Ленина «О государстве», но подробную трактовку ему надо было найти самому и самому найти угол зрения на работы Маркса и Энгельса. При этом В.В. Струве был вынужден привлечь новый материал: данные по древнеегипетскому обществу не позволяли однозначно показать его рабовладельческий характер, так что историк обратился к

⁶ *Струве В.В.* Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока // Известия Государственной Академии Истории Материальной Культуры. Вып. 77. Л., 1934. С. 32–111.

мало исследованному тогда месопотамскому примеру. Для этого Струве привлёк материал шумерских клинописных архивов, что позволило ему нарисовать более убедительную и подкреплённую фактами картину, чем его противникам. Пример Шумера III династии Ура стал ключевым и позволил составить по его образцу описание сначала древнеегипетского и хеттского обществ, а затем и всех остальных. Важным элементом этой трактовки было расширительное толкование понятия «раб», отказ рассматривать вопрос о рабовладении с юридической точки зрения и сосредоточение на экономических характеристиках, что позволяло считать рабом даже такого работника, который признавался свободным по закону и сам считал себя таковым. Эта теория, будучи во многом закреплена благодаря выходу в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП (б)», была оформлена В.В. Струве теоретически и обладала чертами достаточной гибкости, которые позволяли менять или варьировать отдельные положения, не отказываясь от основной идеи.

Третий параграф «Теория “революции рабов” как конститутивный элемент образа древности в советской науке» показывает, как сформировалась и какую роль сыграла теория «революции рабов» в становлении образа древности. Несмотря на то, что само высказывание принадлежало Сталину (1933), было в известной мере случайным и с точки зрения марксистской теории некорректным, оно отразило важный поворот к проблеме рабовладения, произошедший в сознании советских историков и способствовало дальнейшему оформлению и закреплению этой тенденции. Фактически, особенное внимание к роли рабских восстаний и вообще проблеме эксплуатации рабов как центральной, уже было готово в советской историографии древности к 1933 г., хотя сталинское высказывание не играло роли создателя этих настроений, оно сыграло важную роль их катализатора. Кроме того, историки показали готовность оперативно реагировать на любые сигналы со стороны представителей власти, которые касались исторических событий – что демонстрировало лояльность учёного сообщества. Хотя сама теория была обречена на то, чтобы быть отвергнутой в виду невозможности подкрепить её хоть сколько-нибудь надёжной фактической базой, она завершила складывание определённого образа мысли

историков древности и, главное, складывание образа исследуемой эпохи в его основных чертах.

Четвёртый параграф «Завершение формирования образа древности в исторической науке второй половины 30-х – начала 40-х гг.» показывает, как теоретический и стилистический диалогизм 20-х гг. окончательно сменился монологизмом теории 30-х гг., причём это воспринималось не как утрата, а как достижение, дискуссии об азиатском способе производства воспринимались как «бесконечные» и бесплодные, а установление единой точки зрения – как залог для спокойной научной работы, в том числе и как определённая гарантия от претензий со стороны представителей партии и коллег. Тем самым, после ряда жёстких противостояний и психологических встрясок (дискуссии, реакция на «революцию рабов») в среде историков древнего мира формировалась определённая конвенция, которая позволила достичь согласия по ряду основных вопросов. Указаны основные элементы сформировавшегося образа древности. Среди них были те, что принадлежали советскому мышлению в целом: противостояние «буржуазной» науке, обязательность апеллирования к «классикам марксизма-ленинизма» (с особой ролью Сталина), резкая критика «ошибающихся» коллег, стремление насытить теорию набором конкретных фактов. Сам образ древности состоял из следующих элементов: древность отныне признавалась единой стадией общественной эволюции (разделение на Восток и греко-римский мир становилось второстепенным), а базовой её характеристикой было рабовладение, рабов было много (в количественном и качественном смысле), отношение к ним определяло все социальные отношения в обществе, его политическую и культурную надстройки, историю развития религий в нём; рабовладение способствовало прогрессу древнего общества, но оно же привело его развитие в тупик, а упадок рабовладения способствовал упадку политических структур и гибели культуры древности.

В третьей главе «СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ДРЕВНОСТИ В КЛАССИЧЕСКОМ ВОПЛОЩЕНИИ: ТРУДЫ А.Б. РАНОВИЧА И Н.А. МАШКИНА» показано, каким образом советские авторы пытались воплотить идеи недавно сформированного канона в полноценных исторических трудах, претендующих на обобщение большого факти-

ческого материала. Этот процесс был следствием нахождения конвенции и воплощал собой попытку утвердить и конкретизировать общий образ древности применительно к конкретным темам и эпохам в изучении самой древности. Акцент перенесён на исследование концепции эллинизма А.Б. Рановича, которое дополнено рассмотрением концепции рождения принципата, предложенной Н.А. Машкиным. В **первом параграфе «Книги об эллинизме А.Б. Рановича и М.И. Ростовцева: отторжение и преемственность»** показано, что во многих отношениях работа А.Б. Рановича⁷ строится на материале и одновременно на противопоставлении классической книге М.И. Ростовцева «Социально-экономическая история эллинистического мира» (1941)⁸. Подсчитана частота упоминаний М.И. Ростовцева на протяжении книги «Эллинизм и его историческая роль», которая оказалась не просто самой высокой по сравнению со всеми остальными авторами, но сопоставимой с упоминаниями целых историографических традиций. Кроме того, важно и то, насколько сильно А.Б. Ранович зависит от конкретных фактов и исторических сюжетов, впервые рассмотренных М.И. Ростовцевым. Иногда он даже использует те же образы и выражения, что и М.И. Ростовцев. При этом советский автор безусловно противопоставляет свой труд работе эмигранта.

Соответственно, во **втором параграфе «А.Б. Ранович как критик М.И. Ростовцева»** показано, какие недостатки в труде М.И. Ростовцева видел советский учёный. Отмечено, что в собственной книге А.Б. Ранович оценивал «Социально-экономическую историю эллинистического мира» сравнительно невысоко, как объёмный труд, однако, слабый в плане обобщений и в теоретическом плане в целом. В данном случае речь идёт не только об общей критике буржуазной историографии, но и о том, что Ранович старался показать возможности собственной методологии, утвердить её высший статус по сравнению с буржуазными теориями общественного развития. Поэтому советский учёный оставил за собой задачу выполнить на базе марксистской методологии обобщение огромного фактического материала, который

⁷ Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950.

⁸ Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941. Vol. I–III.

приводила книга М.И. Ростовцева, претендуя тем самым на создание классической исторической работы и на принципиальное решение вопроса о сущности эллинизма как исторической эпохи.

Тем самым, **третий параграф «Моделирование образцового исследования А.Б. Рановичем»** рассматривает, как именно советский учёный реализовывал задачу написания классического труда. Проведено сопоставление структуры двух книг об эллинизме, показано, что А.Б. Ранович сделал нечётко выраженную у М.И. Ростовцева фронтонную композицию ясно оформленной, отказался от сочетания стадийного и страноведческого принципов в повествовании, элиминировав отдельный рассказ о римском завоевании и тем самым поставив в основу повествования рассказ об отдельных эллинистических государствах. Далее было сокращено само количество государств, о которых велось повествование, по сути остались лишь государство Селевкидов (как ключевой пример), а также Птолемеевский Египет и Македония (для дополнительной иллюстрации) – т.е., был использован приём, который в своё время применил Ф. Энгельс, обрабатывая книгу Л.Г. Моргана. При этом автор стремится к чётким обобщениям, ориентируется на по возможности точные данные и не видит проблем с тем, чтобы отсечь «буржуазную» методологию М.И. Ростовцева, заимствовав у того наиболее ценные факты.

Четвёртый параграф «Образ эллинизма А.Б. Рановича и его судьба» показывает, чем образ эллинистической эпохи в книге советского историка отличался от образа, нарисованного в книге М.И. Ростовцева. Последний видел эллинизм как нереализовавшееся единство, прерванное развитие, которое неожиданно перешло в упадок, отдав значительные территории в римскую сферу влияния и вложив оставшиеся импульсы в расцвет экономики Римской империи. Нераскрытый потенциал эпохи, которая была так богата своими возможностями делает историю эллинизма в восприятии М.И. Ростовцева драматичной, если не трагичной. Для А.Б. Рановича эллинизм – закономерно незавершённый этап в развитии античного общества, важная стадия в эволюции рабовладения: благодаря эллинистической экспансии античное рабовладение заменило восточные патриархальные отношения. Победа Рима, который знаменовал наступление следующего этапа в разви-

тии рабовладельческой формации, была неизбежна и закономерна, а потому никакой трагедии здесь нет. Эта концепция А.Б. Рановича оказала специфическое влияние на советскую историографию: с одной стороны, она очень быстро стала восприниматься как устаревшая – поскольку против неё убедительно выступил К.К. Зельин (и поддержавший его В.Д. Блаватский), утвердивший представление об эллинизме как о конкретно-историческом феномене⁹. С другой стороны, исследования эллинизма в СССР отнюдь не раскрыли полностью всего своего потенциала; возможно, в этом процессе сыграло роль то, что ниша классической работы по эллинизму уже была занята книгой А.Б. Рановича, а появление новых классических работ стало невозможным, потому что наступил этап переоценки элементов образа древности.

В пятом параграфе «*Книга Н.А. Машкина о принципате Августа и основные черты образа древности в классическом воплощении*» приводится дополнительный пример к разбору книги А.Б. Рановича и делаются общие выводы. Произведение Н.А. Машкина¹⁰ также во многом построено на контрасте с другой классической книгой того периода – «Римской революцией» Р. Сайма¹¹. Книга Н.А. Машкина претендует на реализацию идеала классического произведения фактически в позитивистском ключе: сделана ставка на полноту рассмотрения источников и последовательное повествование с большим количеством подразделов. При этом позитивистски непредвзятое повествование сочетается с заранее известными выводами (например, о принципате как о реакции на движение рабов), и эти два момента не удалось до конца примирить в одном произведении; убедительность основной гипотезе добавляли использованные советским автором идеи Р. Сайма. Характерно и то, что Н.А. Машкин, критикуя буржуазных историков, вольно или невольно идеализирует советскую историографию. Но, как и марксистская социология А.Б. Рановича, так и позити-

⁹ Зельин К.К. Некоторые основные проблемы эллинизма // Советская археология. Вып. XII. М., 1955. С. 99–108; Блаватский В.Д. Культура эллинизма // Там же. С. 109–115.

¹⁰ Машкин Н.А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949.

¹¹ Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939.

вистская методология Н.А. Машкина выражают в общем одну и ту же тенденцию: благодаря своей теоретической базе, советская историческая наука представляется лидером научного прогресса, поскольку только она может претендовать на полноту объяснений. Появление такого рода работ свидетельствовало о наступлении зрелости в советской историографии древности. От моделирования образа был совершён переход к его утверждению и полноценному использованию. В то же время классическое воплощение вызывало всё больший скепсис историков следующего поколения. Одной из причин этого было то, что убедительность предложенных авторами трактовок была достигнута путём возможно и искреннего, но выглядящего довольно циничным манипулирования данными источников и литературы, целью которого было всемерное педалирование роли рабов в древней истории, установление прямой связи между развитием рабовладельческого способа производства и «надстроечными» явлениями в политике и культуре. Тем самым, созданная модель была чревата противоречием, и её дальнейшее изменение становилось необходимым.

Четвёртая глава «ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗА ДРЕВНОСТИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ЭТАП» рассказывает о том, каким образом происходил процесс переработки базовых элементов образа древности, который в итоге фактически привёл к устареванию его классических образцов, а также как процесс трансформации образа перерос в процесс его частичного разрушения и как отдельные элементы советского образа древности, утратив прежнюю целостность, продолжали определять восприятие древности в отечественной историографии на протяжении последней четверти столетия. Указано на значимость и условность фактора смены поколений в процессе трансформации образа эпохи в историописании. В первом параграфе *«Е.М. Штаерман и дискуссия о переходе от античности к феодализму 50-х гг.»* показано, как историк инициировала дискуссию, прослежено течение дискуссии, основная аргументация участников, наиболее важные точки расхождения во мнениях. Несмотря на попытку редакции завершить дискуссию обзорной статьёй, это не исчерпало обнаруженной проблемы: опираясь на имеющийся научный аппарат, корректно разрешить проблему перехода от антично-

сти к средним векам не в общих чертах, а в полноценном описании оказалось невозможным. При этом в стилистическом плане часто использовался образ пробивающегося себе дорогу феодализма, но прикрывать одной стилистикой теоретические бреши было весьма ненадёжным выходом из положения. По крайней мере, даже в рамках конвенциональной полемики позиции так и не были согласованы, породив долгую традицию обсуждения вопроса в советской и постсоветской историографии. Характерно и то, что сама Е.М. Штаерман фактически обошла начатую ей же дискуссию молчанием в своём последующем творчестве. Возможно, это объяснялось тем, что в 50-х гг. она старалась дать однозначное объяснение процесса гибели античного общества, воплотив его в классическом труде по образцу работ А.Б. Рановича и Н.А. Машкина¹². Но время таких книг прошло.

Это означало, что наступал период попыток обновления теории, забвения Сталина и поисков правильного понимания Ленина и Маркса, чему посвящён **второй параграф «Е.М. Штаерман и теоретические искания 60-х гг.»**. Решение прежних проблем историки видели в очищении и одновременно обновлении теоретических основ исторической науки, при этом для целого ряда историков инструментом такого обновления стало введение элементов структурного анализа в поле марксистской методологии. Проблемы закономерностей в историческом развитии, общего и частного в истории, допустимости исторических аналогий обсуждались достаточно активно в сер. 60-х гг. Наряду с другими учёными (М.А. Барг, А.Я. Гуревич, Л.В. Данилова, К.К. Зельин) активно в этих поисках участвовала и Е.М. Штаерман. Постепенно у авторов появились некоторые общие идеи: главная из них заключалась в признании особого характера развития докапиталистических формаций, при котором производственные отношения действуют не настолько прямолинейно, как в эпоху капитализма – в частности, это выразилось и в представлении о несовпадении классов и сословий в древних обществах; эту идею дополняла мысль о разнообразии путей развития в мировой истории. Претензии авторов на пересмотр ряда важных теоретических оснований выразились в выходе большого кол-

¹² *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.

лективного труда¹³, после чего по их позициям был нанесён решительный удар со стороны гораздо более консервативного учёного и министра образования РСФСР А.И. Данилова. Последний указывал авторам на несоответствие многих их изысканий требованиям марксистской методологии, рассчитывая, вероятно, вернуть их на истинный путь. Объективный же результат был в том, что это выступление было расценено как давление со стороны начальства, результатом чего стало вообще сворачивание обсуждения. Это оформило ситуацию скрытого методологического раскола в советской историографии, который всё увеличивался на фоне внешней монолитности. Что касается Е.М. Штаерман, то она в результате вовсе ушла от чисто теоретических работ, тем самым многие высказанные ей продуктивные идеи, например, о нетипичности, исключительности античного варианта древнего общества, так и остались неразвитыми и не помогли обновлению образа древности в советской историографии.

Третий параграф «Е.М. Штаерман и «буржуазная» историография древности» рассказывает, каким образом в советском историческом дискурсе менялось отношение к зарубежной науке и какой вклад внесла в это Е.М. Штаерман. С одной стороны, критика «буржуазной» историографии оставалась составной частью самоопределения советской науки о древности, с другой стороны, общие обвинения в принципиальной порочности «буржуазной методологии» стали отходить на второй план перед разбором конкретных тезисов и оценкой собственно научных достижений. Таким образом, использование клише, которые клеймили любого недостаточно прогрессивного иностранного историка, остаётся только на уровне незначительных орнаментальных элементов; напротив, примеры корректной полемики и уважительного отношения со стороны советских исследователей нарастают. Параллельно увеличивается и степень знакомства с достижениями советской науки на Западе. Примером этих процессов является творчество, с одной стороны, Е.М. Штаерман, с другой – М. Финли. Рецензия советской исследовательницы на «Античную экономику»

¹³ Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. Законы истории и конкретные формы всемирно-исторического процесса / под ред. Л.В. Даниловой и др. М., 1968.

кембриджского профессора – свидетельство этого нового этапа отношений. При этом новый уровень взаимодействия заставлял советских исследователей ещё более остро чувствовать шаткость своих позиций именно в тех вопросах, которые были для них принципиальны и которые они старались отстоять – прежде всего, в вопросе о значении рабовладения для древних обществ. Поэтому всё чаще идея классовой борьбы рабов и рабовладельцев начинает дополняться и заменяться сформулированной С.Л. Утченко идеей эволюции полиса как основного смысла общественного развития греко-римского мира.

В **четвёртом параграфе «Е.М. Штаерман как исследователь античной культуры»** рассмотрена важная ипостась научного творчества историка, которая параллельно социально-экономическим исследованиям обратилась и к сфере общественного сознания древних римлян – на таком уровне это было новацией для советской историографии. Основываясь на идее соотношения базиса и надстройки, исследовательница создала собственную оригинальную концепцию эволюции общественного сознания, религии и морали римлян, которая коррелировала и с другими её историческими идеями. Здесь Е.М. Штаерман ставила целью показать наличие особой морали у низших классов – на наш взгляд, это ей удалось, но не удалось доказать, что эта мораль была именно классовой, особенно это касалось рабов, которые преимущественно поклонялись тем же богам, что и их господа. Кроме того, новаторские для 60-х гг., эти идеи выглядели уже устаревшими в 80-е гг. – новое поколение исследователей античной культуры (С.С. Аверинцев, М.Л. Гаспаров, Г.С. Кнабе) строит свои работы по другому принципу, а составляющая марксистской методологии в них часто играет декоративную роль: базовый марксистский тезис о вторичности культуры для них уже не приемлем.

В **пятом параграфе «Дискуссия о возникновении римского государства и значение Е.М. Штаерман в трансформации образа древности в советской историографии»** показан поздний этап творчества исследовательницы, который совпал с последними годами существования Советского Союза. В 1989 г. историк инициировала новую дискуссию о характере римского государства, заявив спорный тезис о том, что государством как таковым Римская республика стала лишь на

позднем этапе своего существования – который обычно и считается её кризисом. В параграфе подробно рассмотрено течение дискуссии и её отличие от дискуссии 50-х гг. Прежде всего, авторы чаще всего выступали с отзывами параллельно, поэтому развития полемики как таковой не произошло; помимо всего прочего, это сигнализировало и о наступлении новой эпохи – в постсоветское время роль научных дискуссий резко снизилась. Интересно и то, что в этот раз Е.М. Штаерман написала завершающую дискуссию статью, подтверждая свою точку зрения, но повторяя и то, что речь шла лишь о постановке вопроса. Но сам приём сужения истории государства по той причине, что ранее не находится сложившихся классов и эксплуатации, свидетельствует о серьёзных проблемах с марксистской постановкой вопроса. Факты и научная честность заставляли исследовательницу искать повороты в теории, которую она по-прежнему считала жизнеспособной и не готова была отбросить. Е.М. Штаерман относилась к тому поколению советских учёных, которое приложило все свои силы, чтобы указать на сложность древнего мира, на недопустимость однозначных оценок по большинству вопросов. Она сумела не ограничиться критикой или частичным синтезом, но пыталась построить собственную непротиворечивую систему. Борьба с издержками сложившегося образа древности стала одной из основных тенденций в советской послесталинской историографии. При этом ситуация складывалась так, что советские учёные были по сути обязаны разделять образ в целом, поскольку не имели права нарушать основных теоретических и стилистических принципов. Относительная свобода в трактовке конкретного материала привела к тому, что не имея возможности полностью перестроить образ, советские историки сопровождали его бесчисленным набором оговорок и дополнений. Именно поэтому, несмотря на случившиеся в начале послесталинской эпохи попытки глубинных изменений образа древности и методологии изучения истории, через тридцать лет ситуация принципиально не изменилась. Это и предопределило негибкость образа древности уже в 80-е гг., когда постепенно среди ряда учёных начался отход от него и попытки построения иного образа древности – часто это делали наиболее талантливые представители нового поколения.

Шестой параграф «Древность в постсоветских концепциях исторического процесса», который начинается с обзора второй дискуссии об азиатском способе производства, которая вышла в свою явную фазу в середине 60-х гг., но, после более или менее искусственной приостановке в конце 70-х гг., продолжилась в конце советского и даже в постсоветское время. В ходе этой дискуссии усилилось стремление к пересмотру струвианской концепции рабовладения на Востоке, причём как со стороны противников применения термина «рабовладельческая формация» к странам Древнего Востока (В.П. Илюшечкин, Г.А. Меликишвили), так и со стороны тех, кто, при всех оговорках, полагал допустимость этого термина (И.М. Дьяконов). С изменением внешних обстоятельств (распадом СССР) дискуссия неизбежно перешла в нисходящую фазу, но при этом даже со стороны тех историков, которые заявили об отказе от марксизма, продолжались попытки фактически скорректировать советскую модель исследования древности. Поэтому работы И.М. Дьяконова, В.Д. Жигунина, Ю.И. Семенова в любом случае являются постмарксистскими и несут на себе отпечаток советского опыта их авторов.

Если в советский период И.М. Дьяконов отстаивал тезис о рабовладельческой формации, то в своей историософской книге «Пути истории» (1994)¹⁴ он вообще отказывается от использования рабовладения в качестве маркера для определения характера общественной эволюции. В собственной периодизации мировой истории знаменитый востоковед уделяет древности достаточно много внимания, при этом, хотя и заявляет набор новых факторов, которые учитывает при оценке исторического развития (общественное сознание, прогресс вооружений), но при этом все существенные моменты его концепции восходят к его собственным изысканиям в рамках советского марксизма, а новые факторы прослеживаются недостаточно системно и в любом случае служат построению схемы достаточно прямолинейного эволюционизма, которая отличается от той же схемы пяти формаций не скорее количеством фаз, чем большей гибкостью в их описании. Изложение истории не становится в концепции И.М. Дьяконова более сложным

¹⁴ Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М., 1994.

или многофакторным, а те новые обобщения, которые он применяет по отношению к древней истории, часто строятся на некотором насилии над его же собственными идеями, которые он выдвигал, исследуя историю древнего Ближнего Востока в 60–70-е гг.

Работы В.Д. Жигунина претендовали на больший учёт географического фактора и на теории спирального развития истории, которая должна была учитывать лучшие достижения формационной схемы, но дополнить её учётом цивилизационных идей¹⁵. Цивилизации при этом фактически понимаются как культурно-географические регионы. Древность оказывается первой фазой цивилизационного цикла исторического развития, при этом Запад (Рим) был типичным вариантом развития древности, Восток (Индия и Китай) – нетипичным, а срединный регион (Ближний Восток и Греция) – источником и пересечением этих вариантов. Жигунину не удалось сделать достаточно убедительным отнесение Рима и Греции к разным регионам цивилизационного развития.

Концепция Ю.И. Семёнова строится на умножении числа терминов, большая часть которых изобретается заново; за пределами терминологической новизны представления о древневосточных и античных обществах построены на достаточно стандартных стереотипах советского времени. Это роднит исследования Семёнова¹⁶ с теориями исследователей, которые, не будучи историками древности, касались истории древних обществ при построении своих теорий: Е.Д. Гражданниковым, Е.М. Анцуповым (Е. Аугдемом), Л.Е. Грининым. В их работах так или иначе обыгрываются элементы советского образа древности, встраиваемые в новую (но зачастую построенную по образцу советской) схему этапов исторического развития.

Все указанные работы объединяет тенденция к терминотворчеству, более или менее ярко выраженная критика исторического матери-

¹⁵ Жигунин В.Д. Древность и её место в историческом процессе (Пять лекций в Самаре). Самара, 1996; *Он же*. Философия истории: формирование и эволюция основных идей (пять лекций в Самаре). Самара, 1997; *Он же*. Древность и современность. Человечество на пути к синтезу: учебное пособие. Казань, 2000.

¹⁶ Семёнов Ю.И. Введение во всемирную историю: учебное пособие для вузов. Вып. 3. История цивилизованного общества (XXX в. до н.э. – XX в. н.э.). М., 2001; *Он же*. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М., 2011.

ализма и неспособность выйти принципиально за круг очерченных советским марксизмом проблем: ни одна из концепций не может отказаться от идеи развития форм эксплуатации как главного движителя социальной эволюции.

Седьмой параграф «Образ древности в современных российских школьных учебниках» показывает, каким образом состояние утраты одного образа эпохи при отсутствии нового отразилось в сфере среднего образования – всегда больше подверженной потрясениям, чем сфера образования высшего. На примере ряда учебников (А.Н. Лукьянова; А.А. Вигасина, Г.И. Годера, И.С. Свенцицкой; Е.В. Саплиной, Б.С. Ляпустина, А.И. Саплина; В.И. Уколовой, Л.П. Маринович и др.) при сравнении с последним советским школьным учебником по истории древнего мира под редакцией Ф.П. Коровкина показано, что переработка советских учебников на базе самого советского марксизма не вела к принципиальному улучшению результатов. Целостный рассказ, которого требует школьный учебник, оказался очень сложной задачей, как только из повествования изымался базовый фактор экономического развития и связанной с ним классовой борьбы. При отсутствии другой объединяющей идеи учебники либо превращались в обзоры по периоду, избегающие ответов на сложные вопросы, либо неожиданно для самих авторов переносили акцент на политическую историю. Минимизация марксистских объяснений поставила проблему наличия объяснений вообще.

Тем самым, мы можем фиксировать, что наш анализ подтверждает версию о свершившемся распаде советского образа древности и о продолжающемся растворении отдельных его элементов. При этом становящаяся всё менее осознанной тенденция возвращения к этому образу, восстановления даже тех его элементов, которые изымались из него уже в советское время, свидетельствует о методологической рассеянности в среде историков, и в том числе, историографов.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ подводятся итоги работы и представлены основные выводы. Развитие марксизма в России, по нашему мнению, может быть представлено в виде двух этапов: дореволюционном и советском. К исходу первого этапа марксизм уже стал периферийным интеллектуальным течением; революционные события вывели его на

авансцену исторического мышления, усилили позиции, но при этом он совершенно не был подготовлен к этой роли, а кроме того теория попала в сильную зависимость от интересов политиков.

Первоначально советская наука о древности пользовалась марксистскими образцами историописания, которые в основном воздействовали на язык и стиль повествования, и не искала ни принципиально новой модели нарратива, ни новой трактовки общественных отношений в древности (ранние работы А.И. Тюменева). Влияние достижений «буржуазной» науки того времени было при этом определяющим, но подобный вариант марксистской историографии древности, похожий на труды ранних марксистов-антиковедов (таких как Г. Сальвиоли) не устраивал ни представителей власти, ни приходящее в науку новое поколение, которое стремилось к монистической теории и соответствующему типу объяснения истории. Поэтому дискуссии 20-30-х гг. (прежде всего, об «азиатском способе производства») не смогли реализовать, казалось бы, заложенный в них потенциал свободного развития науки. Единственным выходом оказалось навязывание единой воли извне, но власть сравнительно мало интересовалась древней историей и не всегда знала, какие ответы она хочет навязать – хотя при этом обычно хорошо понимала, какие ответы ей точно не подходят (например, с изменением политической конъюнктуры сам термин «азиатский способ производства» стал неприемлем). Эти сложные обстоятельства смог учесть учёный с дореволюционным опытом. В.В. Струве предложил образ рабовладельческого общества (для начала обрисовав и в духе мифологизации упростив его структуру), присоединив его к уже порождённому к тому времени совместными усилиями историков (С.А. Жебелёв) и спонтанными словами лидера партии образу борьбы классов (сталинская «революция рабов»). Таким образом описанные основная структура и основной процесс составили вместе простой, но легко воспроизводимый и убедительный исторический образ древнего мира.

Моделирование образа древности в советской историографии было сложным процессом, сочетавшим в сложной конфигурации «внешний фактор» (высказывания Сталина, воздействие партийных деятелей в науке, идеологические установки советского марксизма, общую

культурную ситуацию в стране) с «внутренним» (наличием или отсутствием определённых исторических фактов, личным выбором историков). Существование этого образа было поддержано складыванием определённой конвенции среди историков: негласного согласия о том, как следует писать историю в тематическом и в стилистическом отношении. Конвенциональность выглядела как средство защиты от переменчивых идеологических требований власти, она помогла науке легче преодолеть последние сталинские годы; уже в конце 40-х гг. начинает вырабатываться «эзопов язык» в историографии. Правда, в ближайшей перспективе именно эти процессы привели к первому кризису конвенциональности, выразившемуся в стремлении к познанию «настоящих» классиков.

Сложившийся образ имел тенденцию к фиксации – в учебниках по истории древнего Востока для вузов В.В. Струве и В.И. Авдиева, учебнике истории древнего мира для школ А.В. Мишулина, в обобщающих трудах А.Б. Рановича и Н.А. Машкина. Но вскоре началось отвержение достижений классического этапа советской историографии, в основе которого лежали две причины: во-первых, «классические» работы создавали такой образ древности, который нельзя было далее развивать, а потому новое поколение исследователей шло по пути критики; во-вторых, менялись установки советской историографии: с борьбы классов на эволюцию социальных институтов.

Таким образом, начиная с 50-х гг. набирал силу процесс трансформации сложившегося образа древности, который затронул все основные составляющие этого образа и при этом так и не был завершён. Отвержение стереотипов предыдущего этапа историографии вызвало сопротивление: большинство учёных верило в то, что основные представления о древности надёжно соотнесены с марксистской теорией и историческими фактами, а отдельные уточнения не меняют сути дела. Более заметные фигуры в мире науки прекрасно понимали, что проблема гораздо глубже, но и они претендовали лишь на коррекцию образа или отдельных его черт, а не на принципиальное изменение или, тем более, отвержение. После этого перевесила тенденция к дополнению и конкретизации образа, имевшая свойство к нарастанию, она привела к появлению в образе древности новых черт, часто слабо со-

гласованных друг с другом: представления о роли средних рабовладельческих хозяйств в античной товарной экономике, о роли гражданских общин в историческом развитии древности, о несовпадении классов и сословий в докапиталистических обществах. Завершилось это тем, что целостный образ всё более размывался, и если отдельные советские историки могли в этих условиях предлагать свои, часто оригинальные и полезные для исследовательской работы концепции, они уже не могли убедить остальных коллег в их обязательности. А это показывало, что менялся не столько образ древности в советской историографии, сколько сама советская историография. В итоге образ предстал в крайне перегруженном виде, насыщенный множеством оговорок и уточнений, включая в себя и сложную теоретическую аргументацию – что предопределило начавшееся в 80-е гг. бегство от общепринятого образа древности, выразившееся прежде всего в расцвете историко-культурного направления исследований.

Постсоветский этап в историографии характеризуется, в частности, переходом трансформации образа древности в его разложение. Это выражается не только в исчезновении отдельных элементов, их изъятии из структуры аргументации и из логики преподавания, но и в том, что возрождаются элементы, ранее отвергнутые ещё на этапе дополнения образа. Утрата целостности не означает ещё исчезновения образа окончательно, но теперь его существование поддерживается благодаря его встраиванию в ряд постмарксистских исторических концепций. При этом такое положение дел ощутимо замедляет складывание нового образа древности, как и вообще складывание целостных воззрений на древний мир, которые бы соотносились с современным этапом развития исторической науки.

Таким образом, итог второго цикла развития марксистской теории для советской историографии древности сводится к тому, что оказались равно невозможными как реконструкция советского образа древности, так и его перерождение в новый образ. На наш взгляд, причины того, что советский образ древности завершил свою трансформацию фактической диссолюцией образа лежат как в особенностях его моделирования, так и самой этой трансформации. Внешний парадокс здесь заключается в том, что советские учёные могли и умели менять подхо-

ды к освещению древности, точно так же как постепенно научились сложно преобразовывать, а иногда и обходить идеологические импульсы, направленные на них, но ни то ни другое не подготовило историческую науку к существованию в новых условиях. Советская наука научилась жить в условиях, в которые она была поставлена властными структурами, но она не умела функционировать и развиваться вне этих структур, и поэтому в постсоветский период, когда идеологическая связь между наукой и государством уже прервалась, наука в целом продолжала воспроизводить тот единственный тип теоретического мышления, который был ей известен. Следовательно, сама по себе смена политической системы не означает автоматически рождения нового типа исторического мышления, может привести к кризисным и даже катастрофическим последствиям для исторической науки.

Приложения

В четырёх приложениях приведены таблицы, которые помогают проиллюстрировать ряд важных положений основного текста диссертационного исследования с помощью конкретных материалов. **Первое приложение** «Изменения и дополнения во втором издании “Происхождения семьи, частной собственности и государства”» воспроизводит сделанный И.Н. Винниковым подсчёт изменений, который позволяет проследить направление переработки Ф. Энгельсом своего произведения. **Второе приложение** «Структура статьи В.В. Струве “Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока”» иллюстрирует, на какие составные элементы распадается статья В.В. Струве, сопоставляет их объём в абсолютном и процентном выражении. В **третьем приложении** «Оглавления работ М.И. Ростовцева, А.Б. Рановича, В.В. Тарна» проведено сопоставление трёх книг по эллинизму с точки зрения их структуры, что должно иллюстрировать большую связь книги А.Б. Рановича с работой М.И. Ростовцева, чем с книгой В.В. Тарна. **Четвёртое приложение** «Оглавление учебников по истории древнего мира. Ф.П. Коровкина и А.А. Вигасина, Г.И. Годера, И.С. Свенцицкой» должно помочь сопоставить внутреннюю структуру последнего советского и первого постсоветского школьного учебников по истории древнего мира.

Основное содержание диссертации отражено в следующих опубликованных работах автора:

Монографии

1. *Крих С.Б.* Упадок древнего мира в творчестве М.И. Ростовцева. Омск: Изд-во ИП Загурский С.Б., 2006. 252 с. (по предмету диссертации – С. 185–204).

2. *Крих С.Б.* Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013. 320 с.

3. *Крих С.Б., Метель О.В.* Советская историография древности в контексте мировой историографической мысли. М.: ЛЕНАНД, 2014. 256 с.

Статьи в ведущих рецензируемых изданиях

4. *Крих С.Б.* Рец.: Леонтьева О.Б. Марксизм в России на рубеже XIX–XX вв. Проблемы методологии истории и теории исторического процесса. Самара, 2004 // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2006. № 3. С. 101–105.

5. *Крих С.Б.* «Революция рабов» в советской историографии 30-х годов XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 17. М., 2006. С. 224–236.

6. *Крих С.Б.* Анализ одного произведения. Фридрих Энгельс и принципы марксистского историописания // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 24. М., 2008. С. 176–222.

7. *Крих С.Б.* М.И. Ростовцев: быть в образе и быть образом // Новое литературное обозрение. 2009. Вып. 1 (95). С. 146–162.

8. *Крих С.Б.* О «бритве Оккама» в современной историографии. По поводу «историографических эпох» А.В. Юдина // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 34. М., 2011. С. 365–377.

9. *Крих С.Б.* Проблема методологии в изучении советской историографии Древнего мира // Вестник Омского университета. 2011. № 3 (61). С. 86–94.

10. *Крих С.Б.* Изучение древней и средневековой истории молодыми учёными // Вестник Омского университета. 2011. № 4 (62). С. 346–348.

11. *Крих С.Б.* Революция и реакция: режим Августа в освещении Р. Сайма и Н.А. Машкина // Вестник Омского университета. 2012. № 3 (65). С. 98–102.

12. *Крих С.Б.* Образ древности в постсоветских школьных учебниках истории // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2013. № 5 (122). С. 11–13.

13. *Крих С.Б., Метель О.В.* Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 159–166.

14. *Крих С.Б., Тарасова А.А.* С.И. Ковалёв и «открытие» эллинизма в советской историографии // Вестник Омского университета. 2014. № 1 (71). С. 56–59.

15. *Крих С.Б.* История одной цитаты: откуда есть пошла «революция рабов» // Родина. 2014. № 6. С. 16–20.

16. *Крих С.Б.* Язык советской историографии: основные характеристики // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2014. Том 156. Книга 3. С. 214–222.

17. *Крих С.Б., Метель О.В.* Формирование марксистского подхода к изучению религиозных феноменов в советской научной традиции (1920-е – начало 1930-х гг.) // Известия Уральского Федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2014. № 3 (130). С. 256–269.

18. *Крих С.Б.* Математическая история // Родина. 2014. № 11. С. 132–134.

19. *Крих С.Б.* Математическая история в позднесоветский период // Родина. 2015. № 1. С. 120–122.

20. *Крих С.Б.* А.В. Мишулин и его Спартак // Вестник древней истории. 2015. № 1. С. 178–189.

Статьи и материалы

21. *Крих С.Б.* М.И. Ростовцев и марксизм // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: материалы VI межвузовской региональной научной конференции (1–2 ноября 2002 г.) Омск, 2003. С. 94–105.

22. Крих С.Б. Исчезающая парадигма падения Рима // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: Межвузовский сборник статей. Омск, 2006. С. 43–58.

23. Крих С.Б. «Образ» как исследовательская категория в истории исторической науки // Университеты России и их вклад в образовательное и научное развитие регионов страны: сборник научных трудов. Омск, 2010. С. 363–365.

24. Крих С.Б. Приключения марксизма в России (полемиические замечания) // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: материалы XI межвузовской региональной научной конференции. Омск, 2010. С. 64–74.

25. Крих С.Б. Дискуссия как средство коммуникации в научном сообществе и советская историография древности // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – начала XX века: материалы международной научной конференции. М., 2011. С. 79–81.

26. Крих С.Б. Дискуссия как средство коммуникации в советской историографии древности // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей. Челябинск, 2011. С. 345–352.

27. Крих С.Б. Теоретическое обоснование В.В. Струве концепции рабовладельческих обществ на Древнем Востоке // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: материалы XII межвузовской региональной научной конференции. Омск, 2012. С. 153–170.

28. Крих С.Б. Быть марксистом: крест советского историка // Історіографічні дослідження в Україні. Випуск 22: Доповіді та матеріали Міжнародної наукової конференції “Інститут історії України на зламі епох, у світлі традицій та перетворень. 75 років інституціонального буття”, 20–21 жовтня 2011 р., м. Київ. Київ, 2012. С. 153–176.

29. Крих С.Б. Специфика древней экономики: советская историография в контексте мировой исторической науки // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии: материалы II Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных (Омск. 25–27 октября 2012 г.). Омск, 2013. С. 6–14.

30. *Крих С.Б.* Критика западной науки советскими антиковедами 30–50-х гг.: обязанность или призвание? // Историк в историческом и историографическом времени: материалы Международного форума, посвящённого 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана (Казань, 13–15 ноября 2013 г.). Казань, 2013. С. 65–68.

31. *Крих С.Б.* Рабовладение как миф: образ древности в контексте западной и отечественной исторической науки // История мировых цивилизаций: мифы в общественном сознании. Всероссийская научная конференция с международным участием (Красноярск, 27 апреля 2013 г.): сб. статей. Красноярск, 2014. С. 123–134.

32. *Крих С.Б.* Советская историография древности о буржуазной: предисловия к переводам зарубежных книг // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность: сборник статей. Вып. 1. Омск, 2014. С. 192–212.

33. *Крих С.Б.* «Смерть» дискуссий в постсоветской науке: история древнего мира // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации: материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвящённой 210-й годовщине основания Казанского университета (Казань 27–29 ноября 2014 г.). Казань, 2014. С. 204–208.

34. *Крих С.Б.* Разрушение образа или его создание? Проблемы истории Древнего мира в постсоветском преподавании // Университеты в системах развития и интеграции России: материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 40-летию Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, 23–24 октября 2014 г.). Омск, 2015. С. 110–111.

Учебные пособия

35. *Крих С.Б.* Древность в историографическом измерении: интеллектуальные практики отечественных учёных (XIX – начало XXI вв.): учебная программа (для студентов исторического факультета специальности 02.07.00 – «История»). Омск, 2010. 24 с.

36. *Крих С.Б.* Советская историография древности: Восток, Греция и Рим. Методическое пособие по спецкурсу по выбору (для студентов

дневного и заочного отделений исторического факультета направления 030600.62 – «История»). Омск, 2013. 46 с.

37. *Крих С.Б., Метель О.В.* Перспективы историографических исследований: от антропологической модели к истории идей (на примере историографии Древности). Методическое пособие по спецкурсу по выбору (для студентов дневного и заочного отделений исторического факультета направления 030600.62 – «История»). Омск, 2013. 34 с.

Подписано в печать 27.05.2015. Формат бумаги 60х84 1/16.
Печ. л. 2,6. Уч.-изд. л. 2,5. Тираж 110 экз. Заказ 88.

*Издательство Омского государственного университета
644077, г. Омск, пр. Мира, 55а*